

писках) были ежедневно у насъ. Совмѣстныя занятія науками, совмѣстная задушевная, умная и пріятная бесѣда у камина и совмѣстный чай, а потомъ легкій ужинъ ломтемъ холоднаго мяса—были нашимъ режимомъ, въ которомъ мы сблизились и слились до неразрывнаго душевнаго согласія, взаимной привязанности и единства.

Въ этомъ тѣсномъ кружкѣ намъ не нужно было ни-

характеръ, незамѣтно но быстро давшій моему уму склонность къ изслѣдованію и анализу.

Отправленіе въ каждой бесѣдѣ отъ живыхъ и часто повидимому ничтожныхъ явленій частной жизни къ вопросамъ общаго значенія—дѣлало эту бесѣду столь легкою и доступною, что я, самый младшій и невоспитанный членъ нашего кружка, самъ не замѣтилъ, какъ началъ свободно понимать все, что мнѣ доводилось слы-

Народы Россіи. XXV. Волгары. Рис. Руссо, грав. Дельдюкъ.

какого болѣе просторнаго міра, хотя мы отсюда часто обзрѣвали весь міръ и передвигали передъ собою его картины при различныхъ освѣщеніяхъ. Въ характерѣ нашихъ собесѣдованій было замѣчательно то, что лица въ нашихъ разговорахъ играли относительно очень небольшую роль; мы почти никогда не говорили о комънибудь, а всегда о чемънибудь—и потому разговоръ нашъ получалъ форму не осужденія а разсужденія, и черезъ это бесѣдѣ сообщался спокойный, философскій

шаръ, и чувствовали себя въ силахъ ставить иногда болѣе или менѣе умѣстно свое слово. Если мнѣніе мое не служило къ разъясненію вопроса, то оно не рѣдко было поводомъ къ указанію небывшаго до тѣхъ поръ на виду возраженія со стороны непросвѣщеннаго разума.

Голосъ мой въ своемъ родѣ былъ нѣчто въ родѣ *юлоса изъ толпы*, на который всегда давался терпѣливый и разумный отвѣтъ, всегда шедшій мнѣ—представителю толпы—на добрую потребу.

(Продолженіе будетъ).

Вотъ тебѣ и разъ!

(Картинка).

День воскресный — значить можно
Мальчуганамъ порѣзвиться,
Санки взять да рукавички
И на гору устремиться.

Ничего, морозецъ славный—
Щиплетъ уши, носъ маленько...
Пусть его! Кататься лучше!
И гора-то какъ крутенька!

Вотъ, вскарабкались два брата
На желанную вершину.
— «Ну вальнемъ! воскликнулъ старшій:—
Сядь! Ужь я не опрокину». —

Вася нѣсколько замаялся...
— «А какъ ты свернешь мнѣ шею?...»
— «Экой трусъ! Да-ну смѣль!»
Правильно ловко я умѣю». —

— «Нѣтъ ужъ, Одея, я не сяду
Впереди...»

— «Да почему-же?» —
— «Не хочу. Я самъ умѣю
Править санками не хуже!» —

— «Самъ?.. Ну, ладно.. Погляжу я.
Только—чуръ: разквасишь носъ-ли,
Лобъ себѣ — не смѣй, смотри-же,
Ни реветъ, ни хныкать послѣ!» —

Вася храбро сѣлъ за Одей.
Разъ, два-три! — и отпихнулись....
— «Ахъ, куда-жъ ты, Васька, правнись?!»
Тррахъ! и оба кувыркнулись.

— «Что?! ха, ха! смѣялся Одея:—
Эхъ, хвастунъ, братъ, ты пузатый!..»
А ему въ отвѣтъ братишка:
— «Эго... санки виноваты...»

Народы Россіи.

XXV. Болгары.

Нѣкогда, по восточному берегу Волги, отъ впаденія въ нея Суры до самаго Каспійскаго моря, и по Дунаю, существовало два народа, извѣстныхъ подъ именемъ *болгаръ*. Первый исчезъ совершенно, другой составляетъ до настоящаго дня главную часть народонаселенія нынѣшнихъ турецкихъ областей Бугаріи, Румелии, Македоніи и Альбаніи.

Болжскіе болгары раздѣлялись на волгайское, камайское и шализинское племена, изъ которыхъ послѣднее обитало при Каспійскомъ морѣ. Эта знаменитая отрасль болгарскаго народа оставила лишь нѣсколько монетъ, но никакихъ письменныхъ памятниковъ своего существованія. Самыми ранними и обстоятельными свѣдѣніями объ этомъ народѣ, — мы должны арабскимъ географамъ и путешественникамъ, изъ которыхъ многіе, какъ Ибнъ-Фозланъ, Ибнъ-Хаукаль, Абуль-Хамидъ-Андалуси и др. сами посѣщали землю волжскихъ болгаръ. Ибнъ-Хаукаль повѣствуетъ, что языкъ ихъ былъ тотъ же самый, что и хозарскій. Но между ними былъ также распространенъ и татарскій языкъ. Это подтверждаетъ и татарское повѣствованіе изъ Фергисгъ-Наме, говорящее, что, для обращенія болгаръ къ вѣрѣ, отправлены были три пророка, изъ коихъ одинъ, Гантала, держалъ рѣчь передъ ханомъ, потому что онъ совершенно разумѣлъ турецкій и румейскій языки. Далѣе, главнымъ источникомъ служатъ русскія лѣтописи и наконецъ историки разныхъ націй. Къ этому можно еще присоединить нѣсколько преданій, которыя находятъ въ татарскихъ сборникахъ. Сверхъ того, мы имѣемъ порядочно количество монетъ, выбитыхъ въ городѣ Болгарахъ, нѣсколько надгробныхъ камней съ надписями на разныхъ языкахъ, и наконецъ небольшіе остатки развалинъ въ селѣ Болгары, существующемъ и нынѣ въ Казанской губерніи, Спасскомъ уездѣ, близъ заштатнаго города Тетюшъ, и называемомъ также Богородицко-Успенскимъ.

Древніе Болгары составляли многочисленный и предприимчивый народъ, что доказываютъ не только переходы ихъ къ Черному морю и южному берегу Дуная, но и вторженія въ сосѣдственныя русскія владѣнія. Для отраженія ихъ, еще во времена Рюрика, заложена была при берегахъ Оки крѣпость, нынѣшній Муромъ, которою въ 1083 г. болгары овладѣли. Въ 1183 г. они снова ограбили этотъ край, и также Рязань, а въ 1218 г. овладѣли Устюгомъ. Русскіе съ своей стороны также не рѣдко ходили на нихъ войною при Владимірѣ въ 1162 году, при Андрѣе Юрьевичѣ; въ 1184 году ходилъ на нихъ войною Всеволодъ съ своими союзниками. Походы эти возобновлялись нѣсколько разъ; наконецъ, въ 1219 г. они были побѣждены великимъ княземъ Юріемъ Всеволодовичемъ, просили милости и и принуждены были согласиться на всѣ его условія. Но покорность ихъ была недолговременна, и война съ ними продолжалась до самаго вторженія въ Россію монголо-татарскихъ народовъ. Въ первое нападеніе на Россію, монголы кажется оставили болгаровъ въ покоѣ; но когда потомки Чингисхана отправились покорять земли, лежащія къ западу, Болгарія первая пала жертвою ихъ кровожадности. Съ этого времени болгары составили часть Кипчакской державы, и до самаго паденія раздѣляли судьбу ея, сливаясь болѣе и болѣе съ побѣдителями, такъ что утратили наконецъ и свое народное имя. Болгарская земля окончательно перешла во власть русскихъ царей, вѣроятно при Иоаннѣ Васильевичѣ Грозномъ, въ одно время съ паденіемъ Казанскаго царства. Однако титулъ государя Болгаріи носилъ

еще дѣдъ его, Иоаннъ III. Теперь, гдѣ красовалась торговая и воинственная Болгарія, видны бѣдныя жилища ногаевъ, чувашей, черемисовъ и мордвы.

За Дунай болгарскія племена начали переходить еще въ VI столѣтіи. Привлеченные пріятностью климата, многіе остались тамъ, а вскорѣ потомъ (въ 678 г.) значительная часть болгарскаго народа переселилась въ нынѣшнюю Болгарію, и основала Болгарское государство, которое называлось *Малой Болгаріей*, для отличія отъ *Великой*, какъ греки VII вѣка именовали первоначальное отечество болгаровъ на Волгѣ. Въ IX вѣкѣ болгары приняли христіанство, и уже совершенно стали отличаться отъ единоплеменниковъ своихъ, обитавшихъ на Волгѣ, языкомъ и обычаями. Вся исторія этого Болгарскаго государства, съ самаго основанія до завоеванія его турками, не представляетъ почти ничего, кромѣ безпрерывныхъ войнъ съ Византійской имперіей. Наконецъ, уже во время упадка послѣдней, она подпала подъ власть Византіи. Съ самаго покоренія Константинополя турками, до настоящаго дня, болгары оставались въ подданствѣ Оттоманской имперіи.

Въ Россіи болгары живутъ въ настоящее время только въ качествѣ эмигрантовъ и колонистовъ. Съ половины прошлаго столѣтія, они въ разные эпохи переселялись изъ Турціи въ Россію, гдѣ ихъ насчитывается въ настоящее время 59,000 человекъ; изъ этого числа 45,000 приходится на Бессарабію, 11,500 на Херсонскую губенію и 2,500 на Таврическую, гдѣ они поселились болѣе или менѣе большими группами.

Число всѣхъ болгаръ вообще простирается до 4,000,000 душъ; исключая русскихъ и австрійскихъ болгаръ (послѣднихъ 25,000), всѣ остальные принадлежатъ Турціи, и исповѣдаютъ греческую вѣру; только 80,000 изъ нихъ католики и 300,000 магометане.

Въ Турціи болгары распространены не только въ провинціи, специально называемой Болгаріей, но съ каждымъ годомъ двигаются все далѣе на югъ, вглубь страны, каждый годъ разрабатываютъ новые участки земли въ Фракіи и проникаютъ въ самый центръ греческихъ провинцій. Эта склонность распространяться и акклиматизироваться въ чужихъ странахъ, не теряя своей національности, происходитъ отъ мягкаго трудолюбиваго характера болгаръ.

Сѣверные болгары существенно отличаются отъ болгаръ южныхъ; первые извѣстны подъ именемъ *гагаузовъ*, какъ они сами называли себя, вторые называются черными болгарами. Большая часть гагаузовъ приняли исламъ, преимущественно изъ матеріальныхъ расчетовъ; эти болгары дикі, грубы, не гостеприимны, раболѣпны, и говорятъ такой скороговоркой, что часто нельзя даже понять, на какомъ языкѣ они говорятъ. Самый употребительный языкъ у нихъ — турецкій, впрочемъ валлахскій языкъ также въ употребленіи, а собственно болгарскій языкъ, на которомъ они говорятъ всего менѣе, очень похожъ на русскій.

Черные болгары, напротивъ, откровенны, пріятливы, гостеприимны; качества эти выражаются уже у дѣтей, которыя весело бѣгутъ на встрѣчу путешественнику, между тѣмъ какъ дѣти гагаузовъ прячутся, завидя незнакомаго человека. Черные болгары говорятъ, во первыхъ, на своемъ родномъ языкѣ, иногда также по турецки и по гречески. Собственный ихъ языкъ, сильно перемѣшанный сербскими и греческими оборотами, гораздо мягче и звучнѣе сѣверноболгарскаго нарѣчія.

Больше столѣтій тому назадъ, какъ болгары начали образовывать колонію въ Бессарабіи и въ Новороссійскомъ краѣ. Значительнѣйшія болгарскія колонизаціи начались съ 1801 и 1812 годовъ, что слѣдуетъ главнымъ образомъ приписать внутреннимъ безпорядкамъ возникшимъ въ это время въ турецкой имперіи. Болгары, переселившіеся въ Россію между 1801 и 1812 годами, были колонизованы въ Херсонской и Таврической губерніяхъ. Въ первой изъ названныхъ губерній они основали шесть, а во второй три колоніи. Въ окрестностяхъ Одессы по сіе время существуетъ одна деревня, основаніе которой относится къ тому времени; она и теперь заселена болгарами, занимающимися разведеніемъ шелковыхъ червей. Переселеніе въ Бессарабію шло еще въ большихъ размѣрахъ. Болгары массами устремлялись туда вслѣдъ за русскими войсками, возвращавшимися изъ Турціи. Многочисленные эмигранты 1806—1812 годовъ, были названы Новыми Болгарами. Съ 1812 г. они уже сдѣлались русскими подданными, вслѣдствіе уступки Бессарабіи Россіи. Въ 1381 г. болгарскія колоніи въ Бессарабіи считали уже 38,000 душъ обоюго пола. Война 1828—1829 г. между Россіей и Турціей и многочисленныя побѣды одержанныя русскими

въ Болгаріи—привлекли еще большее число болгаръ на русскую территорію. Около четырехъ тысячъ новыхъ пришельцевъ должны были искать убѣжища въ колоніяхъ своихъ бессарабскихъ соотечественниковъ, и эти послѣдніе способствовали по мѣрѣ своихъ силъ новымъ переселенцамъ, изъявивъ даже готовность, въ пользу своихъ товарищей, довольствоваться тридцатью десятинами земли, вмѣсто шестидесяти десятинъ назначенныхъ на каждую семью. Къ сожалѣнію, однако, еще три тысячи болгарскихъ семей, переселившихся въ Бессарабію еще позднѣе, не нашли въ ней ожидаемаго пріюта; разныя лишенія, наконецъ голодъ и чума почти истребили ихъ, и заставили уцѣлѣвшихъ отъ этихъ бѣдствій кое-какъ вернуться на родину. Въ 1850 г. число всѣхъ болгаръ въ 83 бессарабскихъ колоніяхъ простиралось до 81,500 душъ. Въ силу парижскаго трактата 1856 г. значительная часть болгарскихъ колоній досталась Молдавіи. Хотя многіе колонисты перешли на русскую землю, тѣмъ не менѣе, число болгаръ въ Россіи замѣтно уменьшилось. Болгары поселившіеся въ Херсонской и Таврической губерніяхъ, приняли много малороссійскихъ обычаевъ. Всѣ они вообще мирные и трудолюбивые земледѣльцы.

ЛИВАДИЯ.

Какъ только влажный вѣтеръ съ Запада сгонитъ сѣбѣ съ улицъ Петербурга и многочисленныя рукава Невы освободятся отъ сковывающей ихъ ледяной коры, гулянье въ Екатерингофѣ возбуждаетъ жителей столицы о наступленіи весны. Въ это время въ средѣ Императорской фамиліи идутъ дѣятельныя приготовленія къ отъѣзду въ Крымъ, лежащій на сѣверномъ берегу Чернаго моря. Благодаря тому, что ни одинъ климатъ не дѣйствуетъ такъ благопріятно на здоровье большинства больныхъ, какъ климатъ южнаго берега Крыма, Государыня Императрица проводитъ уже не первое лѣто въ ея любимой Ливадіи, гдѣ замѣтное улучшеніе ея здоровья позволяетъ ей вполне наслаждаться пріятною и спокойною жизнью.

Какъ ни просто и уединенно живетъ Ея Императорское Величество, присутствіе Ея оказываетъ громадное вліяніе на всю страну. Начиная отъ Ялты, отстоящей на 3—4 километра отъ Ливадіи, вся мѣстность принимаетъ видъ хорошо воздѣланнаго парка, принадлежащаго къ лѣтней резиденціи Царской фамиліи.

По улицамъ, дорогамъ и дорожкамъ, красиво проложеннымъ и заботливо поддерживаемымъ, толпятся военные всѣхъ чиновъ, снуютъ взадъ и впередъ великолѣпныя экипажи; маленькіе домики Ялты и близъ лежащихъ окрестностей кажутся столькими же виллами. Довольно самаго поверхностнаго взгляда, чтобы замѣтить, что обыкновенное населеніе страны уступило на нѣкоторое время свое мѣсто болѣе блестящему, болѣе высоко поставленному обществу. Но съ другой стороны нельзя не видѣть, что постоянныя коренныя обитатели Ливадіи носятъ отпечатокъ достатка и довольства, получая его отъ общества разбросаннаго по ихъ жилищамъ.

Въ прежнія времена Ливадія принадлежала богатому семейству польскихъ магнатовъ графовъ Потоцкихъ, которые купили ее за ничтожную цѣну у прежняго командира греческихъ батальоновъ города Балаклавы, Ривельоти. Государыня Императрица Марія Александровна увидѣла Ливадію во время одного изъ своихъ посѣщеній Крыма—и мѣстоположеніе этой виллы такъ понравилось, что Она купила ее у графовъ Потоцкихъ. Хотя Ливадія и не выказываетъ той дорого-стоющей роскоши, которою отличается Алушка, но ея дворецъ, по своей архитектурѣ и внутреннему убранству имѣетъ всѣ признаки рѣдкаго вкуса; равно какъ и дворецъ Наслѣдника, въ мавританскомъ стилѣ, построенный по образцу Бахчисарайскаго замка, прелестенъ и вполне гармонируетъ съ окружающею его обстановкою, а маленькая церковь—настоящій перлъ въ своемъ родѣ.

Ливадія съ одной стороны ограничена горами, отличающимися дикою красотою, между которыми возвышается своею сѣвѣною вершиною Чатырдагъ; съ другой—прекраснымъ темнымъ, безграничнымъ моремъ, то разстилающимся какъ чистое зеркало на необозримое пространство, то гнѣвно бушующимъ поднимая свои пѣны воды подобно холмамъ и играя боль-

шими кораблями какъ мячиками, — такая красота мѣстности привела, понятно, къ тому, что Ливадія въ короткое время сдѣлалась любимымъ мѣстопребываніемъ Августѣйшаго семейства. Само собою разумѣется, что маленькій уѣздный городокъ Ялта, лежащій въ бухтѣ доступной со всѣхъ сторонъ южному и юго-западному вѣтрамъ, превращается во время пребыванія Императорской фамиліи въ сборное мѣсто всѣхъ тѣхъ, которые прѣзжаютъ отовсюду для того, чтобы хотя издали взглянуть на тихую жизнь монарха величайшаго въ свѣтѣ государства, такъ какъ Государыня Императрица вообще рѣдко показывается публикѣ.

Вслѣдствіе такого сильнаго стеченія народа, въ Ялтѣ оказывается мало мѣста для помѣщенія всѣхъ посѣтителей. Не смотря на сильное желаніе городского управленія увеличить городъ вдоль берега моря, оно вынуждено было признать это невозможнымъ, ибо никто изъ окрестныхъ землевладѣльцевъ ни за какія деньги не хотѣлъ продать ни одного дюйма земли, такъ что для будущихъ поселенцевъ остаются свободными лишь весьма немногія поля между ущельями горъ. Въ прежнее время въ Ялтѣ только съ большимъ трудомъ можно было найти себѣ хоть какое нибудь пристанище; теперь, напротивъ, тамъ выстроены двѣ гостиницы, изъ которыхъ одна русская а другая содержится французомъ. Нечего и говорить, что въ послѣдней за все приходится платить гораздо дороже, хотя она далеко не можетъ назваться лучшею.

Вилла Государя Наслѣдника въ Ливадіи состоитъ изъ двухъ этажей: нижній этажъ скрывается въ роскошной зелени, а вдоль всего верхняго простирается веранда, съ которой открывается прелестный видъ на море и на всю Ялту, лежащую у подножія этой виллы.

Между городомъ и виллою, изъ-за деревьевъ, широко раскинувшихъ свои вѣтви, видѣются тамъ и сямъ прелестныя виллы, занятыя частью свитой Ихъ Императорскихъ Величествъ, частью придворными служителями. Превосходная дорога тянется отъ Оріанды мимо виллы Нарышкина, княгини Мещерской, князя Кочубея, Мальцева до самой Алушки, гдѣ, впродолженіе всего лѣтняго времени, кинитъ жизнь, подобная жизни большаго города. Сюда, какъ извѣстно, собираются даже издали богачи и аристократы и остаются здѣсь очень долго, особенно во время пребыванія Государыни, которая живетъ иногда въ Ливадіи до глубокой осени. Если бы вѣчно шумящее море и темный лѣсъ не напоминали намъ постоянно, гдѣ мы находимся, мы могли бы подумать, что живемъ въ окрестностяхъ одной изъ столицъ Европы; такъ очаровательны и свѣжи туалеты дамъ, такъ безукоризненъ модный фасонъ платья мужчинъ, которые, въ этой, еще нѣскольکو лѣтъ тому назадъ, полудикой странѣ, говорятъ теперь на всѣхъ цивилизованныхъ языкахъ Европы.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Вопросъ объ установленіи во Франціи республики рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ. Новое министерство окончательно сформировалось: Бюффе назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ и вице-президентомъ совѣта министровъ, Леонъ Сэ—министромъ финансовъ, Валлонъ—министромъ народнаго просвѣщенія, герцогъ Деказь—министромъ иностранныхъ дѣлъ, виконтъ де-Мо—министромъ земледѣлія и торговли, генералъ Сиссъ—военнымъ, контръ-адмиралъ маркизъ Монтаньякъ—морскимъ, Дюфоръ—министромъ юстиціи, Кальйо—министромъ публичныхъ работъ. Изъ девяти министровъ, только трое: Леонъ Сэ, Дюфоръ и Валлонъ, принадлежатъ къ сторонникамъ республики; остальные, напротивъ того, извѣстны какъ болѣе или менѣе ярые ея противники. Вообще, весьма странно видѣть подобный составъ

министерства въ странѣ, только-что вотировавшей конституціонныя законы, утверждающіе республиканскій образъ правленія, какъ единственно-возможную въ настоящее время правительственную форму. Ни старанія многихъ вліятельныхъ людей, ни продолжительныя переговоры главнѣйшихъ партій Национальнаго Собранія, не могли привести къ результату, болѣе отвѣчающему требованіямъ времени, нежели тотъ, который представляетъ собою настоящее министерство. Ничто имѣть удивительнаго, послѣ этого, если составленная новымъ кабинетомъ программа дѣйствій превзошла даже самыя смѣлыя ожиданія правой стороны Собранія,—если, затѣмъ, дѣвая отнеслась къ ней болѣе чѣмъ равнодушно, не проронивъ, при чтеніи ея, ни одного слова и не удостоивъ ея даже возгласа... Это мрачное